

Дух и экзистенция:

о духовном начале, имманентно присущем экзистенциальному анализу¹

Виктор Франкл о неосознанной религиозности

Современному экзистенциальному анализу исторически предшествует логотерапия Виктора Франкла. В. Франкл позиционировал самого себя как защитника духовного начала в человеке и в психотерапии и на протяжении всей своей жизни вел борьбу с редуционизмом. Поэтому я хочу провести небольшие исторические параллели и тезисно обозначить некоторые весьма ценные идеи В. Франкла, которые представляют собой основу для последующего развития экзистенциального анализа.

Духовное (*das Geistige*), согласно Франклу, — это открытость по отношению к метафизическому. Франкл полагал существование смысла до существования Бытия, и это был метафизический шаг. Из духовного начала вытекает неосознанная религиозность человека. В. Франкл пытался изучить природу этой связи человека с Богом. Он стремился сделать осознанной ту религиозную проблематику, с которой мы постоянно сталкиваемся в своей практической деятельности и теоретических изысканиях. При этом он решал две важные задачи. Первая: он хотел сделать осознанной неосознаваемую религиозность. В противоположность З. Фрейду В. Франкл утверждал, что неосознаваемое в человеке связано не только с психическим, но и с духовным: «Связь с трансцендентным — это характеристика экзистенции», — и в этом тезисе он видел важное отличие экзистенциального анализа от гуманистической психологии. В. Франкл в дополнение к фрейдовскому бессознательному открывает в человеке трансцендентное. С этой точки зрения подлинный разговор с самим собой (*Selbstgespräch*) не является в чистом виде «разговором с самим собой», а включает в себя имманентную трансцендентность, то есть по сути дела в качестве Другого подразумевает Бога. Он сформулировал это в блестящей фразе: «Сам того не замечая, человек полагает Бога в качестве предпосылки...» («*ahnungslos nichts ahnend setzt der Mensch Got voraus*»). Бог для В. Франкла является партнером в самых интимных разговорах человека с собой — в этой темноте внутреннего есть его присутствие (*Anwesenheit*).

Вторая задача, которую решал В. Франкл — прояснить, как вера соединяется с психологией. Он выводил веру из двух основополагающих чувств: тоски (*Sehnsucht*) и любви. Тоска напоминает жажду, стремление жаждущего человека к воде: «В основе нашего бытия лежит тоска, которая до такой степени неутолима, что она не может означать ничего другого, кроме Бога». Любовь дает тому, что любимо или кто любим, качество Бытия, делает их реальными: «*amo ergo est*» — «люблю, значит, (любимое мной) существует». Трансцендентность, которая включает в себя тоску и любовь...

Любовь для Франкла — это путь к Богу. Любовь указывает на интимность. Трансцендентность и интимность... Сущностным моментом для того и другого является присутствие в них Бога: одновременно бесконечная даль и бесконечная близость. Это и делает Бога непостижимым, так как Он одновременно является и самым интимным, и самым недостижимым бесконечным и всеобъемлющим. Сегодня мы попытаемся приблизиться к этому феномену не через теоретическую экстраполяцию, а через феноменологическую работу.

¹ Статья публикуется по материалам доклада «*Geist und Existenz. Zur inhärenten Spiritualität der Existenzanalyse*», сделанного на Международном конгрессе GLE-International, прошедшем в Линдау 6–8 мая 2011 года. — *Прим. ред.*

Феноменология неосознанной религиозности в экзистенциальном анализе сегодня

В размышлениях В. Франкла мы видим много параллелей с тем, как сегодня в экзистенциально-аналитической антропологии трактуется духовное начало человека, тем не менее, между логотерапией и современным экзистенциальным анализом есть очень существенное отличие. Речь идет об отказе экзистенциального анализа от всех тезисов, которые имеют метафизическое обоснование, поскольку феноменология должна начинать не с метафизики, а смотреть на то, «что мне открывается в опыте».

Таким образом, мы делаем шаг от метафизически обоснованной логотерапии к персонально обоснованному экзистенциальному анализу с его феноменологическим методом. Феноменология — это основанное на опыте приближение к сущности реальности. В феноменологической работе мы стремимся к тому, чтобы самим найти, увидеть и пережить то, что является сущностным, позволить ему подействовать на себя. В этом контексте возникает вопрос: как духовное обнаруживается в опыте?

Если мы смотрим на реальность феноменологически, то можем сказать, что духовное принципиально можно обнаружить повсюду. Я хочу показать, что духовное может присутствовать как в самых незначительных явлениях повседневности и быть практически незаметным, так и «уплотняясь», приводить к самым ярким, потрясающим человека переживаниям.

Феноменологически духовное (Spiritualität)² может быть описано как пробуждение в более широкий контекст. Можно обнаружить две основные сферы переживаний, ведущих к пробуждению (Erwachen)³ — они соответствуют структурному и процессуальному типам рассмотрения. Со *структурной* точки зрения, как в повседневных феноменах, так и в пиковых переживаниях, мы обладаем принципиальной способностью к пробуждению — выходу в превосходящий свое бытие контекст: «Мое бытие как остров окружено Бытием, которое превосходит мои пределы во времени, пространстве, и сущности. И все это от меня не зависит, а имеет собственное бытие, которое в своей сущности превосходит мою экзистенцию». Пробуждение с *процессуальной* точки зрения существует в рамках диалога. Духовное в диалоге связывает внутреннюю глубину и внешнюю даль (Weite). Внутренняя глубина (или чувство, думанье, переживание, исходящие из подлинно Собственного) и инаковость внутренней глубины Другого в диалоге тесно связаны. Таким образом, мы можем сказать, что обнаружение себя в Большем есть характеристика экзистенции.

Что такое духовное?

Теперь мы можем спросить себя: что такое духовное?

Первое: духовное означает содержание. Каждое слово духовно. Слово — это нечто гораздо большее, чем звуковая волна или набор букв, слово всегда что-то означает, и то, что именно оно означает, и есть духовное. Постигать значение вещей — это тоже духовное (geistig)⁴. Это может происходить в переживании, например, (переживании) величия гор, спокойствия озера.

² Слово «Spiritualität» широко употребляется в литературе на немецком и английском языках для обозначения духовного в широком смысле слова, как общего духовного начала в мире и человеке, постигаемого через духовный опыт, не интеллектуально. Слово «духовность» в русском языке, как оно часто употребляется сегодня, на наш взгляд, скорее указывает на религиозные переживания. В данном тексте мы передаем термин «Spiritualität» словом «духовное» (см. «Приветствие главного редактора»). — *Прим. науч. ред.*

³ Фон Брюкке определил пробуждение как «выныривание» (Auftauchen) из привычного.

⁴ Нем. слово «geistig» очень многозначно и может переводиться на русский язык в том числе и как «умственный»; «духовный» в смысле постижения значения вещей, близко к значению «интеллектуальный».

Однако такого рода постижение я бы не назвал еще духовным в собственном смысле слова, хотя оно уже кое-что показывает нам... Грация антилопы в прыжке, способность человека понимать и быть понятым — это тоже духовные феномены. Духовное может проявляться в установках (Haltungen), например, в смирении, кротости (духовность часто отождествляют со смирением) или в уважении, заботливой внимательности в наших практических действиях. Мы видим, что повседневность насквозь пронизана различными формами духовного, которые предшествуют духовности в собственном смысле.

Второе: духовное может означать и нечто большее, а именно, сущностно-духовное. Это — пути глубины, уплотнение тех проявлений духовного, которые видны на поверхности. Например, наша затронутость бесконечностью Вселенной, или переживание божественных моментов, когда мы видим сияющие глаза ребенка.

Это ведет к **третьей** характеристике духовного, к «уплотненным» переживаниям, и прежде всего, к затронутости (Berührtsein) наиболее интимного в нашем внутреннем мире, что позволяет нам догадываться об истоках собственного происхождения. Поэтому духовное для нас, приверженцев феноменологического направления, связано с *интимностью* и представляет собой *глубинный опыт*.

Как мы можем теперь определить духовное в этом феноменологическом контексте? Очень просто, в его собственном смысле: как познание и чувство, переживание Великого (Größe), превосходящего нас, как глубокая затронутость непостижимостью Превосходящего.

В этом опыте восприятия Великого мы постигаем Непостижимое. Это и есть переживание духовного в собственном смысле слова, но это не религия. Религия подразумевает мировоззрение, в основе которого стоит Бог, или систему сверхъестественного знания, или такое мировоззрение (понимание мира), которое связано с ритуалами.

Доступы к духовному

Сейчас я хотел бы коротко рассказать о том, каковы подходы, каков доступ к духовному.

1. Спонтанный. Духовный опыт может приходиться спонтанно, подобно тому, как мы вчера вечером внезапно увидели этот впечатляющий заход солнца в Линдау. Это затронуло в нас нечто, на что мы не рассчитывали, и что остается до конца непостижимым. Это может сделать нас чуть более счастливыми, но может и испугать, как пугает все то, что глубоко волнует, но при этом не соответствует ожидаемому или тому, что вписывалось бы в рамки сложившегося образа мира. В таких ситуациях могут возникать переживания Бога или переживания своего призвания. Это просветления, явления переживания чуда.

2. Упражнения (феноменология). Но духовное можно обрести и методическим путем — через упражнения. Для всех здесь присутствующих ясно, что духовное переживается как феноменологический опыт, как доступ к сущностному в Бытии. Эту феноменологическую установку можно и нужно тренировать с использованием практических упражнений — через обучение установке отпускания (des Lassens), открытости, уступания (Zurückstellen). Это может происходить, например, при прослушивании симфонии Ф. Шуберта, когда мы слушаем ее с установкой открытости (пусть даже приобретенной в результате тренировки), но мы не только слушаем и

и поэтому еще не духовный в собственном или более глубоком смысле. Постигать значение или смысл какого-либо слова также «духовно» в смысле «не материально», «не вещественно». — *Прим. перев.*

понимаем, что хотел сказать Шуберт, но посредством музыки нас затрагивает нечто такое, что уносит нас в глубину, соприкасающуюся с бесконечностью.

3. Практика медитации. К духовному можно приходиться также через медитацию, через этот вид практики. Медитация практикуется во многих религиях. Здесь речь идет об освобождении духа, о размышлениях, о том, чтобы успокоить дух, стать настолько «пустым», чтобы пустота стала полнотой, — все это тренируется через расслабление, отпусkanie (Lassen) и позволение (реальности) с собой заговорить.

4. Установка внимательности (Achtsamkeit). Внимательное отношение к себе и миру — установка, обеспечивающая доступ к духовным основаниям. Благодаря ей духовное начинает входить в нашу обычную повседневную жизнь. Когда мы тренируемся в осознании, это не сфокусированное внимание, здесь мы не концентрируемся, а скорее свободно раскрываемся, и тогда мы начинаем замечать многие содержания сознания и это дает возможность начать по-настоящему осознать их. Эта внимательность, конечно, является темой, которая уже давно всерьез методически разрабатывается в психотерапии: свободные ассоциации в психоанализе, «разогрев» в гештальттерапии, или три терапевтические установки Карла Роджерса, это есть и в телесно-ориентированной, и в поведенческой психотерапии.

Отношения между имманентностью (внутренней глубиной) и трансцендентностью (внешней далью) с позиции четырех фундаментальных мотиваций

Перейдем теперь к вопросу о том, каковы взаимоотношения между имманентностью и трансцендентностью (здесь я уже в большей степени обращаюсь к специфике современного экзистенциального анализа).

Экзистенция — это остров Бытия, который омывают «волны» моря, остров окруженный океаном неизвестного, неосознаваемого, трансцендентного, Великого, превосходящего нас. Откуда мы пришли? Куда мы идем? Для чего все это? То Великое, в котором «поселилось» наше бытие, дает слишком мало ответов на все эти вопросы. И хотя мы стоим на твердой почве и нам как будто бы совершенно ясно, кто мы и где мы, стоит только приглядеться повнимательнее, и эта «ясность» может легко исчезнуть.

Остров нашего бытия пронизан структурами четырех фундаментальных измерений экзистенции. Измерения условий Бытия в мире (1 ФМ), Жизни с ее отношениями и переживаниями (2 ФМ), Права и возможности быть собой (3 ФМ) и Экзистенциального смысла (4 ФМ) проживаются человеком в зависимости от его наличной экзистенциальной ситуации. Все это относится к центральной, срединной части нашего острова. Мы придерживаемся этой безопасной середины, где чувствуем себя более надежно и уверенно, и неохотно приближаемся к побережью, к границе. Но иногда наша жизнь подходит к пограничному опыту, к пиковым ситуациям, и мы оказываемся на прибрежной полосе духовного опыта. Конечно, как я уже сказал, мы можем подступиться к нему и через упражнения или используя другие подходы. На берегу мы видим и понимаем экзистенцию как окруженную морем неизведанного, неосознаваемого, морем трансцендентного: «Бытие остается для нас незамкнутым, со всех сторон оно влечет нас в Безграничное...», — сказал об этом К. Ясперс.

Духовность Бытия — 1 ФМ

Проследим теперь эти четыре линии по отдельности. Первую линию можно обозначить как «духовное в Бытии», она соответствует первой фундаментальной мотивации.

На этой линии речь идет о нашем повседневном восприятии, о познании. Это еще не духовное, но если мы будем внимательны в этом процессе или задумаемся достаточно глубоко, то можем столкнуться с духовным. Познание означает распознавание, постижение внутренних законов взаимодействия. В познании мы их обнаруживаем, если

они нам открываются, но мы их не «делаем» — мы их получаем. Познание может быть очень простым (например, я знал, конечно, что вирусы существуют, но настоящее познание пришло ко мне только после первого гриппа). Познание может быть и сложным. Но в любом случае мы не создаем закономерности, мы просто занимаемся познанием, имеем дело с какими-то познаваемыми содержаниями и терпеливо ждем, когда появится понимание. Так происходит и с постижением каких-то больших вещей, например того, как духовные установки влияют на здоровье или что нет скорости, превышающей скорость света. Мы не знаем, откуда у нас появляется знание, мы можем только позволить себя инспирировать (позволить духовному началу воздействовать на себя). Такое познание может происходить в любой момент, жизнь полна того, что можно познавать, например, тот факт, что я есть в этом мире, или что солнце восходит. Каждое утро, когда я готовлю кофе, происходит нечто неотвратимое, нечто незыблемое: солнце *каждый день* приходит к нам... Гармония сфер. Так происходит с незапамятных времен, этот феномен наблюдали еще Христос или Сократ... Солнце каждый день возвращается к нам, и оно будет делать это еще примерно пять миллиардов лет, пока не превратится в красную звезду и не поглотит вращающиеся вокруг него планеты и нашу Землю. И мы тоже будем варить свой кофе ... Через пять миллиардов лет ... Может быть (*смех в зале*).

Так, когда нас охватывает изумление, мы приходим к некой глубине. Глубочайшее удивление — это переживание непостижимости, это установка, укорененная в глубоко духовном, это вид преклонения перед чудом (у-дивления, когда «диво» воздействует на нас), поскольку это непостижимо для нас. Изумление — это то, что не понять «из ума», и мы не можем (können) ничего с этим сделать.

Когда наше удивление относится к самому бытию (Sein), к тому, что нечто вообще существует, есть, а не к тому, что мы сами можем или не можем (können), тогда мы можем пережить *затронутость основы бытия* (Seinsgrund). И если мы принимаем эти основы, даем им быть, признавая их собственную природу и их законы, если мы вступаем в отношения с ними (wenn wir uns auf ihr einlassen), тогда мы ощущаем *базовое доверие*. Когда мы строим нашу повседневную жизнь на основе того, что это есть в наших чувствах — то, что у бытия есть основания, что они, несмотря ни на что, все-таки обнаруживаются, — тогда отступает страх и наша жизнь наполняется базовым доверием.

Духовность превосходящих взаимосвязей — 4 ФМ

В следующем измерении речь идет о духовном, возникающем, когда мы обнаруживаем себя в более масштабных взаимосвязях. Речь идет о четвертом фундаментальном измерении, об измерении смысла, поскольку, как и отношения с миром (1 ФМ), это контекстное измерение касается внешних сфер нашего опыта: к духовности бытия добавляются духовность наших взаимосвязей с миром, которые затем становятся смыслом.

«Жить экзистенциально» означает принимать участие в Бытии своим собственным бытием. Я есть здесь, и жизнь Другого тоже есть здесь, и мы встречаемся, — тогда мы есть в этом мире.

Если мы постоянно ведем себя творчески, действуем созидающе, это означает, что Бытия становится больше (mehr Sein). Экзистенциальный смысл — это больше Бытия, это наше участие при условии внутренней связанности, соотнесенности с более широкими горизонтами. Экзистенциальный смысл — это духовность (Geistigkeit) ситуации, это чтение контекста. Умножение бытия, тот вид и способ, которым это происходит в нашей жизни, становится духовным опытом, опытом переживания того, какой в итоге смысл имеет Целое: имеет ли все высший смысл или, в конце концов, все бессмысленно. Духовное — это опыт такого предельного, последнего (Letztes) смысла. Переживание духовного не означает, что, в конце концов, все имеет смысл и что этот смысл может быть найден, переживание духовного — это переживание чего-то последнего (Letztes), предельного жизненного смысла.

Когда человек обнаруживает для себя предельные взаимосвязи — тогда он затронут смыслом бытия, онтологическим смыслом. Если у нас есть такой смысл, мы переживаем базовую защищенность. И именно здесь у человека возникает возможность эту веру, этот психологический феномен развивать дальше — в сторону религиозности.

Духовное в аспекте жизни — 2 ФМ

Что такое жизнь? Дыхание, сила? Мы мало знаем о жизни, но мы постоянно познаем ее, потому что она затрагивает нас множеством способов, мы ее чувствуем. Мы чувствуем, что такое жизнь и где есть жизнь. Наша затронутость выступает маркером всего жизненного. Затронутость уплотняется в тех разнообразных ценностях, которые ведут нас к базовой духовной установке 2 ФМ — к благодарности. Благодарность за все то, чем жизнь меня одаривает — не за то, что я заслужил, — а за ценности, которые я переживаю как благо для себя и единственное, что я могу сделать, — сказать «Спасибо!»

Благодарность за жизнь. Здесь содержится глубочайшая основа жизни, глубокая ценность жизни, которую мы определяем как базовую (фундаментальную) ценность (Grundwert). И если у нас есть такая ценность, тогда мы в большом и малом можем с нею соотноситься, каждая радость и каждая печаль выступают не сами по себе, а в соотнесенности с этой величайшей ценностью. Такая соотнесенность есть фундаментальное отношение.

Духовное в бытии Person — 3 ФМ

Здесь я предоставлен самому себе, доверяю себе, здесь я — единственный, уникальный в своем роде. Кто я, такой уникальный и своеобразный?

Нам нужен обмен. Нужна интимность, приватность, с одной стороны и обмен с другими людьми. Если мы не закреплены в интимности, в нашем образе себя, в наших действиях, тогда мы — лишь пустая оболочка. То, что я ощущаю, переживаю в этот момент, является уникальным, единственным в своем роде. Что сейчас я слышу в себе, и что я говорю в ответ? (см.: **данный номер, Буковски, с. 101-120**). Феномены нашей повседневной жизни заключаются в переживании себя как единственного и неповторимого, в свободе и ответственности, в уважительном внимании (к Другому). Быть внутренне присутствующим, действительно быть здесь в разговоре с другим человеком, быть присутствующим во всем, что я делаю, чувствовать свою совесть, вести себя стыдливо, скромно (schamfoll), — все это первичные проявления духовности, все эти искры, проблески, уплотняясь, на глубинном уровне приводят к достоинству человека. Глубину духовности личности мы обозначаем с помощью понятия достоинства. Это ценность, которая происходит из самой человеческой индивидуальности: нечто свойственно только этому человеку. У *Person* есть достоинство, поскольку ее источником является нечто неприкосновенное, а на ее бытии лежит печать автономности. Достоинство — это внимание и уважение к автономности *Person*, к аутентичности.

Здесь есть, конечно, место и благоговению. О благоговении мы говорим, прежде всего, тогда, когда речь идет о проявлениях божественного, того, что выше всякого нашего понимания. Из чувства благоговения мы избегаем всякого богохульства, мы почитаем Бога, и если мы делаем что-то против этой установки, то справедливо начинаем испытывать страх. Когда мы имеем дело с автономностью *Person*, как собственной, так и других, мы переживаем аутентичность.

Почитание Бога и достоинство человека проявляются также в повседневных формах, например, в формах приветствия. Например, в испанском языке «пока!» — «Adiós!», что значит «с Богом!».

Духовность экзистенции

(Результат четырех фундаментальных мотиваций)

Духовность экзистенции — это, когда наша повседневная жизнь строится с отдачей (*in der Hingabe*), с истинной вовлеченностью в то, что мы делаем, с полным присутствием, тогда мы забываем себя, погружаемся в состояние, которое Чиксентмихайя обозначил как «the flow» (поток).

Это еще не духовность, но и достоинство человека — это тоже не духовность в собственном смысле. Духовность в большей степени проявляется, когда мы делаем что-то творчески, находимся в состоянии полной отданности процессу творчества, когда, например, уже не я рисую, а Нечто через меня рисует, когда во мне просыпается гений, когда посещает вдохновение, когда приходит состояние экстаза.

Спиритуальность и душевное здоровье

Наше рождение — это «заброшенность» в мир. Мне не очень нравится этот термин, но образ броска, та динамика, которая в нем есть, в настоящем контексте как раз нам очень пригодится. Рождение, этот «бросок» в мир, означает, что мы приходим в мир, вступаем с ним во взаимообмен, забираем себе определенное пространство. И если мы продолжаем двигаться по линии, берущей начало в факте «заброшенности», то мы остаемся духовно здоровыми. Эта линия означает: наше бытие по своему происхождению и сути своей связано с необходимостью выходить за собственные пределы, бросать себя к чему-то, что выше нас («Über-sich-hinaus-Sein»).

Следовательно, трансцендентное, Бытие, которое выше меня, является конституирующим для экзистенции. Только такое Бытие, которое больше, чем я, может поддерживать меня, нести в своем лоне мою экзистенцию. Только в таком Великом (*Größe*) мы можем жить, обрести свой дом, развиваться.

Если связь с этой духовной глубиной нарушена, если человек не может раскрыть эту глубину для себя, не может позволить ей воздействовать на себя, тогда он теряет свою укорененность в ней, укорененность в том, что поддерживает и защищает, согревает, утешает и окружает его (в соответствии с четырьмя основными измерениями). Неважно, осознает ли человек эту связь, думает ли он о ней, важно лишь то, чтобы он ощущал ее, ощущал, что она дает ему почву под ногами, питает его тело.

Основной тезис этого выступления состоит в том, что при любых психических расстройствах нарушается связь с духовной основой: сужается, блокируется, разрывается или подчиняется чему-то другому. В случае страха или травмы теряется ощущение опоры, защищенности (нарушается базовое доверие). При депрессии человек перестает ощущать, что его жизнь имеет ценность (нарушается базовая ценность). Истерик страдает от того, что теряет способность к внутреннему диалогу. В случае зависимости человек не способен полностью отдаться чему-то.

Духовные переживания не ведут к психопатологии, напротив, тезис состоит как раз в обратном: духовное исцеляет. И наоборот: со здоровьем расширяется доступ к духовному, способность к самотрансценденции.

Неважно, используется ли в психотерапии или в консультировании термин духовность, или нет, выражается ли он эксплицитно или подразумевается, неважно также, с помощью каких методик удастся инициировать процесс. Важно лишь то, что этот процесс переходит на уровень переживаний, и что в какие-то моменты происходит «уплотнение» опыта, и наступает то, что мы называем «экзистенциальными моментами». Духовность целительна, поскольку она позволяет нам вернуться к своим истокам, связывает нас с Целым, с Бытием, с «Es gibt» («Это есть»). И то, что есть, оказывается самим Бытием. Поэтому духовность ведет к исцелению. Само слово исцеление говорит за себя: оно означает обретение «целостности».

Такое бытие, когда я доверяю этим основам, когда я вхожу в это измерение и «расправляю свои крылья», когда мои корни погружаются в эту глубину, и по ним ко мне поднимается живительная влага, — такое бытие позволяет мне обрести целостность. Здесь

есть открытость, проницаемость, свободное пространство, здесь я свободен от себя и поэтому свободен для себя, свободен для всего другого (для других), свободен для того, чтобы позволить Целому затронуть себя и преклониться перед Ним. Преклониться перед Великим вокруг нас и перед Глубиной в нас.

В заключение я хочу процитировать слова намасте (индийского и непальского приветствия) и поблагодарить вас за внимание!

*Я почитаю то место в тебе, где живет вся Вселенная,
Я почитаю то место в тебе, которое рождается из любви, истины, света и мира,
Когда ты находишься в этом месте в себе,
И я нахожусь в этом месте в себе,
Тогда мы — Единое Целое.*

Перевод с немецкого: *А.Н. Шапкина*

Научная редакция: *С.В. Кривцова, В.К. Загвоздкин*